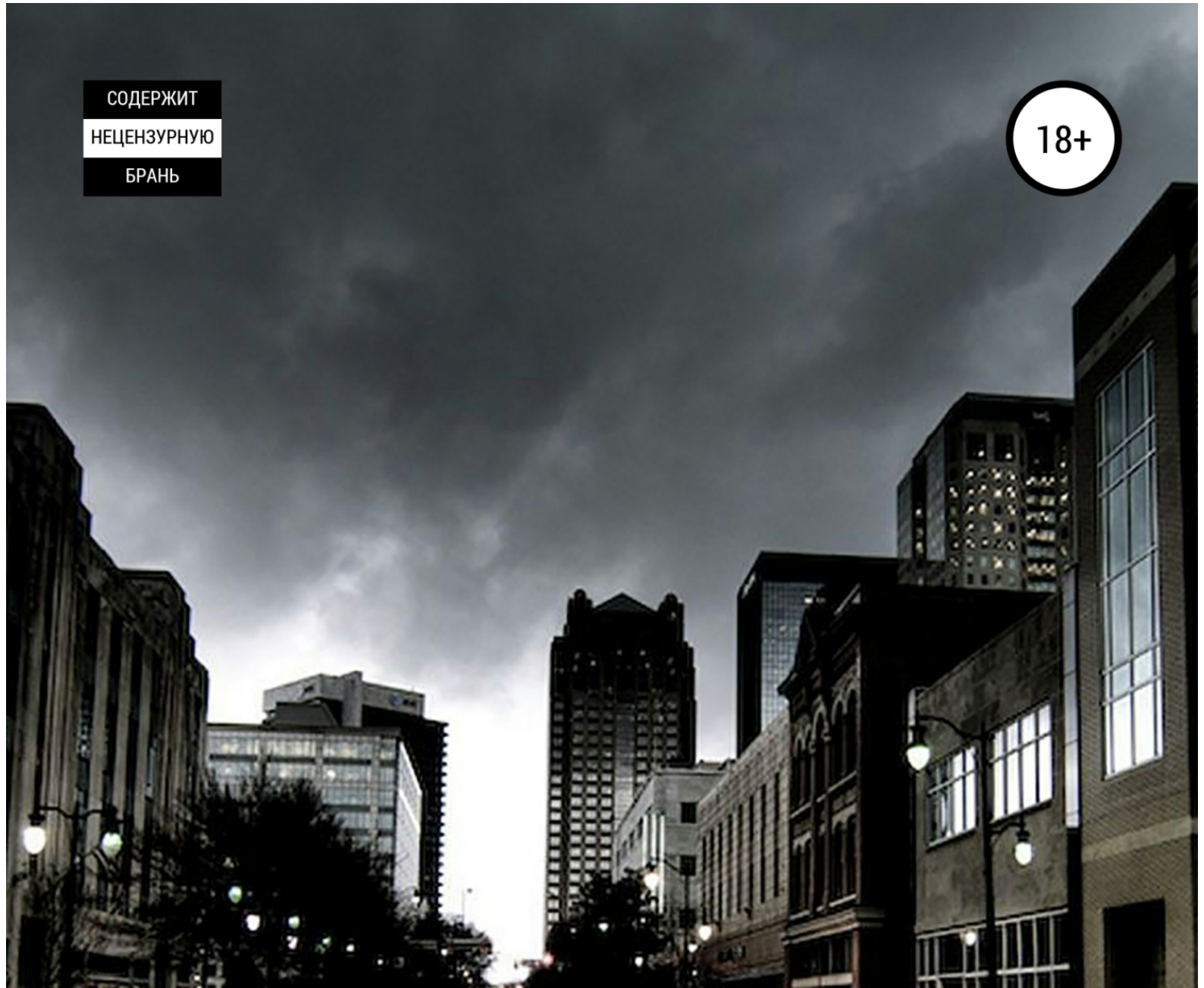

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Эс Медяник

До гибели Матео

Разгадай свой сон и выживи

Сергей Эс Медяник
До гибели Матео

«Автор»

2020

Эс Медяник С. А.

До гибели Матео / С. А. Эс Медяник — «Автор», 2020

Люся Конфеткина - вполне обычная современная девушка со своими правилами и влюблённостями. А обычная ли? После того, как она таинственным образом оказывается во сне, из которого нет выхода, многие жизненные стереотипы придётся пересмотреть. Да и вообще, реально ли выбраться из сна, который стал социальной сетью, опутавшей окружающих Люсю людей? Содержит нецензурную брань.

© Эс Медяник С. А., 2020

© Автор, 2020

Сергей Эс Медяник

До гибели Матео

ПРОЛОГ

Конфеткина была та ещё няша.

Ну а как с такой фамилией и не быть няшей? Впрочем, она как то для прикола ввела в поисковике Контакта «Люся Конфеткина» и убедилась, что полных тёзок в этой соцсети у неё аж четыре и все кривые –косые. А если и нормальные, то всё равно такую фамилию не заслуживают.

Люська вот заслуживала: губки бантиком, большие выразительные глаза, нежная чистая кожа, каштановая чёлочка, полностью скрывающая лоб. И это только лицо. С остальным у Люси тоже всё было хорошо: фигура заманчивая, родители успешные, полно друзей. Но самым замечательным в Конфеткиной было отсутствие парня.

Это давало простор для манёвров многим поклонникам люськиной няшности. Другое дело что достойных не было, ибо Конфеткина ещё в детстве поставила себе чёткий идеал парня и верно следовала наивным критериям вплоть до своих 19 лет. Парень должен быть блондин как в диснеевских мультиках, пусть без коня, но что б сам высокий и гладко выбритый. Живи Люся в каком-нибудь Копенгагене или Таллине, проблем бы с выбором не возникло.

Да вот незадача, жить Конфеткиной приходится в Татарстане, а там с блондинами, да ещё высокими, как то не очень. И тем не менее четверых угораздило попасть Люсе в женихи. Ну женихами то их Сонька нарекла. Это Конфеткина-младшая, ещё в школу ходит, а так и норовит в личную жизнь сестры залезть, да ещё и напридумать отсебятины.

– Игорёк классный! – бывало как крикнет она, когда люськин тогда ещё одноклассник сестру до дома доведёт, – будешь с ним мутить?

Конфеткина на дыбы, аж дыхание перехватывает. То ли от возмущения, то ли от того, что Игорёк блондин классический. И всегда рядом. И хорошо пахнет.

Это второй люськин фетиш был – что б от парня пахло как-нибудь по особенному. И не важно чем, лишь бы как ни от кого другого. Сама Конфеткина пахла в тон фамилии. «Сладкая женщина» – то ли обзывала, то ли хвалила её Сонька. Завидовала, конечно.

Хотя чему особо завидовать? Соньке то. Сама же и увела Игорька, ещё когда в 9 класс перешла.

Обычно сёстры старшие младшим передают вещи и игрушки по наследству, а Конфеткины – парней. Второй блондин, с нереальным для своей внешности именем Рустам, тоже отправился в б\у состоянии к жадной Соньке. Впрочем долго он там не задержался, стоило только показать его подругам. Рустам распространялся как вирус, оставляя позади плачущих 9классниц с разбитыми сердцами.

В итоге Конфеткина решила, что третьего своего блондина покажет сестре только будучи уверенной, что этот гоблин никого больше заинтересовать не может. Гоблины обычно верные, знают же что вариантов то у них немного. Обломится Сонька, не уведёт.

Стала Люся искать такого, да не тут-то было. Гоблинов в Татарстане немало, но самой искать парня было непривычно и неприлично как то. Недостойно такой видной барышни. Как назло, парни будто ослепли в тот год, видели кого угодно, кроме неё. Конфеткина и сама ничего

вокруг не видела от расстройства, так что третьего блондина нашла по нюху. При чём в собственной квартире.

Сонька как раз в 10 класс перешла, но за ум не взялась и родители наняли ей нового репетитора. Виктору Антоновичу было уже лет тридцать, да и брился он через раз, но был высок, статен и блондинист. А самое главное как пах! Игорёк всегда пах кисленько, от Рустама веяло каким-то редким парфюмом, но репетиторский запах был вообще другого уровня. Наверно это как с вином, подумала Конфеткина, чем больше возраст, тем интересней. 18-летняя Люся от этого запаха совсем голову потеряла, растерялась, даже здрасте не сказала, когда он мимо прошёл в коридор.

– Это кто? – спросила она сестру.

– Да лох какой то, прикинь домашку мне задал, будто в школе. Один в нём плюс: не орёт как училки .

Плюсов, по мнению Люси, было гораздо больше. Уже то, что Сонька на него свой озабоченный глаз не положила – это прямо плюсище. И стала Конфеткина потихоньку здороваться с Виктором Антоновичем, потом перебрасываться шутками , выдумывала, что им идти по пути и всякое прочее. Сонька, конечно, всё просекла и сестре подгадила: наплела родителям, что репетитор никакой и лучше женщину нанять, а то бедная Сонечка стесняется мужчин и страшно тупит.

– А чего ты не стеснялась свои фотки в лифчике выкладывать в Контакт? – зло спросила Люся, но было поздно – Виктор Антонович приходить перестал.

А потом вдруг пришёл с цветами и позвал Конфеткину гулять. Удачно так подгадал ,когда Соньки и родителей дома не было ,а то вряд ли бы Люся пошла. Вот так она стала встречаться со своим третьим блондином, нюхать его и верить в лучшее.

Он потом женат оказался правда... Но ещё до того как это узнать, Люся поняла, что банально не понимает половины той умной белиберды, что обычно рассказывает ей Виктор Антонович. Да и сердце подсказывало, что это не любовь никакая, больше для галочки.

С любовью у Конфеткиной дела обстояли туго. Какое то время она даже была уверена , что влюбиться не сможет вообще, это какой то защитный механизм ,берегущий её юные нервы. Встречаться – да, гулять – пожалуйста, дарить друг другу подарки и поцелуи – сколько угодно. А влюбляться – неееет. А то потом замучаешься сердце склеивать, когда парни вдруг на Соньку переключатся или женатыми окажутся. А вот фиг им всем!

Так думала Люся, пока четвёртого блондина не встретила. Он тупо пах дымом, как куча парней с района, но сам был будто из другого мира. У него была рок-группа и чёрный байк. Чуть не сбил её однажды, так и познакомились. Альберт, так его звали, пригласил Конфеткину на концерт , вытащил её на сцену и станцевал даже. Куча малолеток из зала готова была придушить счастливцу , хотя Люся себя счастливой не чувствовала. Альберт был грубоватым и пьющим, но почему то занимал все мысли юной девушки, чего не удавалось ни Игорьку, ни Рустаму, ни Виктору Антоновичу. Вozил её на байке до поздней ночи, рассказывал стихи, носил на руках –и поняла Конфеткина, что такого с ней ещё не было. Вот он – идеал, который она искала. И даже Сонька, которая, конечно, тут как тут подкатила, была отвергнута Альбертом.

– Это он осторожничает, – недовольно буркнула Конфеткина-младшая, – в следующем году мне будет 18 и он будет моим.

– Да зачем он тебе? – испугалась Люся. Первый раз действительно испугалась, что может потерять очередного блондина. Хотя он уже был не очередной, в её понимании. Окончательный. Очень уж этого хотелось, и не нужен никакой пятый.

– А тебе?– усмехнулась Сонька, – ты же не любишь никого.

– Много ты знаешь! – крикнула Люся и вышла, хлопнув дверью.

Злилась она не долго. Это было ещё одной замечательной чертой Конфеткиной – оставаться весёлой и оптимистичной вопреки трудностям. Вздрогнула только, когда смска пришла с незнакомого номера, а в ней адрес Альберта и ничего более. С ним что-то случилось, пронеслась люсиная мысль, и это так подстегнуло, что выбежала Конфеткина на улицу будто ополумевшая, от переживаний не сразу сообразила на какой автобус садиться.

А лучше бы автобус её завёз куда-нибудь подальше, как оказалось. Рухнули наивные мечты о идеальном парне: Альберт, пьяный в хлам, проводил вечер с двумя голыми фанатками. Был настолько не в адеквате, что Люсе и дверь открыл, сам будучи без трусов, и ещё и предложил присоединиться. Бежала Конфеткина оттуда сломя голову. Дома потом сестре плакалась, потому что какая бы Сонька вредная не была, но в такие минуты как никто поддержать могла. Сидела, обняв Люсю, и шептала ей на ушко что-то успокаивающее. Самой в диковинку было: первый раз Люся из-за парня так убивается. Неужто правда любит?

С пониманием любви у Конфеткиной-младшей было тоже не всё просто. Вот вроде и любвеобильная, да всё как то ненадолго, сама не понимала что ей вообще от жизни надо. Никакого идеального образа даже в детстве не составила, хваталась за всякого, кто подвернётся. И каждый раз, переживая очередное псевдочувство, дико завидовала сестре, у которой всё было так чётко и по правилам. И парни у неё были не чета сонькиным, даже Игорёк и Рустам были гораздо заманчивее, когда люськиными были, а это уже вообще ни в какие ворота. Соня злилась на весь мир и на Люсю, но та была невозмутима и добра с ней. Вот и сейчас лежала на сониных коленях, такая близкая, родная.

– Не плачь, Люсь. Козёл твой Альберт, это я тебе могла сразу сказать. Музыканты – они такие.

– Я думала, он меня любит.

– А не надо думать. Чувствовать надо такие вещи. Иначе так и будешь ныть. Вот я, помнишь, в 15 лет тоже ныла-ныла, а что толку? Пока не обожглась несколько раз – мучилась как впервые. Но тебе-то не 15, Люська, 19 же уже. Что ж ты дура то такая?.. Эй! Ты меня слышишь?

Но сестра уже спала, свернувшись калачиком. Заплаканная, чуть опухшая, и всё равно ужасно милая.

Вот такая вот она – Конфеткина.

ГЛАВА 1 (До гибели Матео 15 часов)

Мне снилось что-то ужасно приятное. Такое доброе и тёплое. Но теперь всё как в тумане. Умеет же звонок будильника разрушить самые волшебные видения, которые, казалось бы, не забудутся никогда в силу своего великолепия.

Пора вставать в универ. Я с усилием оторвала лицо от подушки и села на кровать. Потянулась и побрела в ванную по пустой квартире. Сонька уже в школу ушла, а родители на работу.

– Доброе утро, милая! – вдруг раздалось откуда то с кухни.

Вздвогнув, я оглянулась и увидела маму.

– Мам, а ты чего не на работе?

– Плохо себя чувствую. Отгул взяла,— сказала она, не вставая из-за стола.

После ванной за завтраком, когда я села рядом, мать спросила:

– Альберт стоит этого?

Откуда только узнала... Наверно Сонька растрепала как всегда.

– Стоит чего?

– Того, что было вчера.

– А я что-то особенное сделала? Поплакала и всё.

Мать задумчиво посмотрела на стену. Я перевела взгляд и ахнула. На часах было без пяти девять. Я катастрофически опаздывала на пару.

Через пару минут, когда я уже мчалась по сугробам во дворе, зазвонил мобильник.

– Мам, ну что ты опять? – крикнула я в трубку, суматошно пытаюсь догадаться, какую вещь забыла дома.

– Люся... Кто-то в двери звонит, а я встать не могу...

Услышав это, сама я встала как вкопанная. Что? Что за бред? Я же только что из подъезда вышла. Там никого не было.

– Как не можешь встать? – спросила я вслух, – тебе плохо?

Сквозь помехи в трубке мама ответила:

– Я слышу твой голос за дверью. Почему ты не заходишь? Забыла ключи?

– Мам, я на улице.

– Что ты говоришь такое, я же слышу тебя. Да не скреби дверь, сейчас попробую дойти, открою, кажется легче стало.

– Неет! Не открывай! Там не я!

– Да не трясги ты дверь,— и в трубке щёлкнуло.

Я стояла в сугробе, не в силах пошевелиться и слушала гудки. Будто надеялась, что сейчас сквозь них мама скажет, что пошутила. А потом ноги стали двигаться и я медленно-медленно побрела обратно к дому. Накатило безумное чувство страха.

Только в подъезде я перешла на бег. Дверь квартиры была нараспашку, а сама квартира пуста. Я носилась по ней прямо в сапогах, но мама будто испарилась. Трясаясь от ужаса и слёз, я снова выбежала в темноту зимнего утра. Передо мной был такой же пустой двор. И гнетущая тишина вокруг.

Это сон... Это точно сон... Иначе и быть не может. Да! Это всё объясняет. Значит надо проснуться. С силой закрыла глаза, подержала немного, но подняв веки, увидела всё тот же двор. Потянулась ущипнуть себя, но снова зазвонил телефон.

– Люся, прекрати стучать,— раздался мамин голос.

– Ма...ма...ты г-де?

– Люся, ты пьяная что ли? Сейчас я дверь открою, хватит рваться.

– Ты дома?

– А где мне быть то?

– Я только, что не нашла тебя в квартире. И кому ты вообще дверь открыла?

– Никому. Я пытаюсь встать со стула на кухне. Но не получается. Смешно даже.

– Мама, мне страшно. Что происходит? Что ты помнишь? Как мне тебя найти? – затараторила я, вновь входя в подъезд.

– Дурью не майся, сейчас дверь открою и поговорим.

– Мама, спроси кто это, пожалуйста. И скажи что ты слышишь из-за двери?

– Твой голос.

– Что я говорю?

– Чтобы я открыла.

– Не открывай.

– Люся, может ты определишься!

Тем временем я дошла до своего этажа и уставилась на распахнутую дверь. Даже отсюда я видела пустую кухню.

– Мама, ты меня слышишь?

Но в трубке тишина сменилась гудками.

Ноги перестали меня держать и я села на ступеньки. Обхватила голову руками и стала молиться. Молитв толком не знала, но нащёптывала что-то похожее. И вновь телефон вывел меня из ступора. На него пришла смска с коротким текстом. Сквозь слёзы я узнала адрес Альберта.

Что? Но мне же уже присылали эту смску. Вчера, перед тем как я...

– Убирайся отсюда!!! – прогремело сбоку, и я аж подскочила.

На лестнице рядом со мной сидел бомж в рваных грязных обмотках. Скалился на меня гнилыми зубами и радовался моему страху.

– Я здесь живу... – начала объяснять я.

– Это я здесь живу! Убирайся!

– Вы звонили маме?

– Хренаме! Спать мне мешаешь, лярва.

– Но вы хоть видели кто звонил?

Внезапно бомж ощерился ещё сильнее :

– Вииидел.

– Кто?

– А не скажу. Вот принесёшь мне девятодесятку – тогда поговорим. А щаз убирайся.

– Да поймите же! Я маму ишу.

– А я – девятодесятку. Давай же поможем друг другу. Баш на баш, Конфеткина.

– Вы меня знаете? Кто Вы?

Бомж противно заржал. Поваяло гнилью и я инстинктивно отпрянула.

– Не нравится? Слишком вонючий сон для сна получается, – продолжил потешаться странный тип.

И тут внезапная надежда озарила меня:

– Я проснусь. Я обязательно проснусь.

– Вряд ли. Просто не успеешь. Здесь всё по-другому.

– Я разберусь. Сон есть сон, он всегда кончается.

– Но Матео умрёт раньше, – сказал бомж и закашлялся. Поглядел на меня и добавил, – через 14 часов уже.

– Кто умрёт? – не поняла я.

– Матео.

– А кто это?

– Сама поймёшь. Если успеешь. А лучше неси девятодесятку.

– И Вы мне скажете, где моя мама?

– Нееееет. Так мы не договаривались. Я скажу, кто звонил в двери. А мать свою сама ищи.

– Это нечестно! Я понятия не имею, что такое девятодесятка!

– Тихо! – бомж испуганно заозирался. И действительно, внутри распахнутой квартиры что-то зашумело.

Мой собеседник уловил мой порыв рвануться на шум и схватил за ногу:

– Тебе туда не надо. Девятодесятки там нет.

– Да чёрт с ней! – огрызнулась было я, но бомж с невероятной силой потянул меня за ногу назад и бросил на окно подъезда.

Пробив своим телом стекло, я рухнула в большой сугроб. Судорожно задышала и с трудом приподнялась. На уровне третьего этажа зияла дыра в окне, до которой было не добраться. Подъезд я тоже не смогла открыть, так как ключи вылетели где-то во время полёта.

Надо позвать на помощь. Но кого? Двор всё так же пуст. А если это действительно сон?

И я побрела из двора на улицу. Ожидала увидеть её такой же безлюдной и удивилась, когда оказалась в плотном людском потоке. К кому же обратиться за помощью? Все так спешат, у всех дела. Да никто и слушать не станет историю про пропавшую маму и бомжа с его загадочными девятодесятками.

Единственный человек в этой толпе, кто с интересом смотрел на меня, был распространителем листовок.

– Вот возьми, – сказал он, протягивая бумажку.

– Нет, спасибо.

– Бери, бери. А то мамку так и не найдёшь.

– Что? – ахнула я. Неужели тут все связаны каким то заговором? Да что же это такое?

В листовке была реклама магазина часов со странным названием ОМОН. Я удивлённо посмотрела на парня:

– А как мне это поможет?

– Ну, если будешь тупить, то никак. Или у тебя есть варианты куда пойти?

– Нет. Но это же обычный магазин, так?

– Почти. Только там часы необычные.

– Песочные? Солнечные?

– Бери круче.

– А какие же?

– Остановившиеся, – молодой человек хитро подмигнул, – там и твои есть.

– А твои?

– И мои тоже. Вот раздаю все листовки и куплю их.

– Но разве кто-то покупает остановившиеся часы?

– В мовсе сплошь и рядом.

– В чём? – не поняла я.

– Ты попыталась проснуться и не смогла, верно? Догадываешься почему?

– Так это правда сон?

– Ну как посмотреть. Технически да, но проснуться раз не получилось, то вариантов немного.

Ты снотворное пьёшь?

– Нет.

– Может травма головы? Летаргическая хрень какая-нибудь.

– Да нет. Я уснула у сестры на коленях.

– Ты в этом уверена?

– Это последнее, что я помню.

– И где твоя сестра?

– В школе наверно. Я её не видела сегодня.

– Тогда, симпатяжка, у меня для тебя плохие новости. Судя по тому, что я услышал, ты не можешь выбраться из сна по очень уважительной причине. Ты умерла там и тебе некуда возвращаться.

– Как умерла, – внутри у меня всё похолодело, – вот же я.

– Ну, это ещё не 100%. Может ещё не умерла. Но за этим дело не станет, раз ты в мовсе.

– Да что ещё за мовс такой???

– Мовс – это аббревиатура. Ты в мире общего вечного сна, Конфеткина.

ГЛАВА 2 (До гибели Матео 13 с половиной часов)

Я сидела прямо на тротуаре, среди спящих людей, и в оцепенении смотрела вокруг. Стесняться было поздно, да никому до меня не было дела, даже парень, раздающий листовки, отвернулся и продолжил свою работу.

– Улица Дзен-Ржевского? – вдруг удивлённо прочитала я табличку на доме.

– Ну да, – буркнул парень, не оборачиваясь.

– Я узнаю эту улицу. Только она Дзержинского. Прямо на выходе из моего двора.

– Ну да. Всё как в жизни.

– Но это в моей жизни. Если мовс – мир общего сна, то что видят эти люди?

– А ты их в расчёт не бери. Они почти ничего не видят, несутся, не разбирая дороги. Даже листовки не берут.

– Зачем же ты их раздаёшь?

– Думаешь моя работа бесполезна? Но тебя-то я нашёл. Есть и другие, кто не прошли мимо. Только для них улица Дзен-Ржевского выглядит по-другому. Как отголосок их прошлого. На этой улице миры смешиваются.

– А они все тоже умерли? – кивнула я на спящих людей.

– Не все. Даже более того, большинство из них спасут. Хотя они на грани жизни и смерти. В принципе каждый наш сон идёт по этой грани.

– Как так? Мы же спим каждую ночь!

– И каждую ночь рискуем. Этим спешащим повезло. Они пронесутся мимо и проснутся.

А ты вот нет.

– Но почему?

– Ну тебе же дворик дали, – парень наконец повернулся и кивнул в сторону прохода между домами, откуда я недавно вышла, – думаешь откуда я знаю, что ты Конфеткина. Это теперь твоё именное место в мовсе. Ты к нему привязана, понимаешь. Эти люди пробегут мимо, а ты так не сможешь, потому что прописана здесь. С новосельем кстати.

– Да с каким новосельем?! – вскипела я, – я в дом попасть не могу.

– Бывает. Ну ты погуляй пока, пообвыкнись.

– А ты сам кто такой?

– Да тоже не проснулся когда-то. Со временем привыкаешь. Я раньше думал, что когда умру, то ничего не будет. Вообще ничего. Ни ада, ни рая. Теперь понимаю, что был не прав. Во сне вполне можно существовать. У него, конечно, странные законы, но ты тоже привыкнешь.

– А как тебя зовут?

– Рекламщик я.

– Но это же не имя. Вот я Люся.

– Ну и что делают Люси?

– Живут... Учатся...

– А в мовсе что делают?

– Я не знаю.

– Плохо, Конфеткина. Надо тебе занятие какое-нибудь придумать, чтобы толк был. А имя ничего не значит. Пустой набор букв.

– Я не знаю куда идти. Честно говоря, мне до сих пор кажется, что это чья-то шутка и я вот-вот проснусь.

Рекламщик вдруг резко развернулся и подскочил ко мне:

– Так просыпайся! Что тянешь то? Мы ж тебя дурим, а всё так просто – проснёшься и нет нас.

– Ну зачем ты так. Ты хоть понимаешь как мне сейчас тяжело?

– Учитывая, что умерла ты первый раз – вполне понимаю.

– Да не умерла я! Я выберусь отсюда! Я проснусь!

– Бла-бла-бла, так все говорят.

– Я – не все! У меня вот! – и я достала телефон.

– Ха, удивила. Мобилы тут у большинства.

– Мне смс пришло! Уже во сне! Кто-то мне помогает.

Рекламщик посуровел, улыбка сползла с его беззаботного лица:

– Покажи.

– Там адрес моего парня.

– Остаточные воспоминания из жизни. Пустое это.

– Нет. Я пойду туда.

– А что ты там ждёшь увидеть?

Мне внезапно вспомнился шатающийся Альберт в чём мать родила, но я отогнала негативные воспоминания. Сейчас мой четвёртый блондин был ниточкой, ведущей наружу из этого кошмара.

– Я найду его и мы спасёмся! – сказала я вслух.

– Глупости говоришь. И ты 10 минут назад хотела совсем другого. Про мать забыла?

– Моя мать снаружи! И сестра, и отец!

– Ой ли? Не показалось странным, что мама вдруг на работу не пошла, да со стула встать не может? Она тоже в мовсе, и, похоже, у неё неприятности.

– Я найду её. С твоей помощью или без.

– Да я-то тут при чём? Альбертик твой пусть в спасателя играет. Впрочем, мне нравится твоя безрассудная храбрость. Наверно ты очень глупенькая.

– Пошёл ты, – не выдержала я, – а сам такой гений, что листовки раздаёшь.

– Работа такая, – пожал плечами парень, – у тебя вот и такой нет. А знаешь что? Я, кажется, знаю почему ты здесь.

– Почему же?

– Таблеток наглоталась из-за несчастной любви. Тут такие часто бывают. Смерть то не быстрая и через сон. Завсегдатаи мовса, так сказать. Только их обычно врачи вытягивают, а с тобой что-то не торопятся. Вон уже и двориком обзавелась. Вкусные таблетки то?

– Иди ты, – вспыхнула я и бросилась бежать сквозь толпу подальше от наглого рекламщика. Бежала как казалось в сторону рынка неподалёку, но почему то вернулась к своему именному дворику. Стала крутиться на месте и в этот момент парень с листовками схватил меня за плечо:

– Эй, куда собралась, Конфеткина? Я тебя ещё не отпускал. Ты в мовсе никто, и не думай, что тебе все помогать будут. Даже если бы был выход, какой интерес помогать тебе выбраться, если все мы останемся здесь? Где мотивация?

– Значит всё сводится к твоему эгоизму, – возмутилась я, – Завидуешь, что у меня есть шанс?

– Да какой шанс? Ну... Ну хочешь я тебя отпущу дальше? Даже дорогу подскажу к нулевому километру. Всё равно вернёшься. Ты теперь к двору привязана.

– Хочу!

– Ладно, – парень отпустил моё плечо и отступил на шаг назад, – пойдёшь вон в ту сторону и потом налево поверни. Там будет улица Фестивальная. А дальше середины держись.

– Альберт не в той стороне живёт.

– Милочка, твой Альберт в мовсе вообще нерегулярно бывает. В основном в январе. А когда праздников долго нет, то и он тут ненадолго. Иди куда я тебе сказал.

– Спасибо, – выдавила я, медленно отходя от рекламщика.

– Да пожалуйста. И занятие не забудь себе придумать.

ГЛАВА 3 (до гибели Матео 12 часов)

«Что это вообще было? – терзалась я, поворачивая на Фестивальную улицу, -так не бывает же. Если уж умерла, то умерла. Не должно быть никаких приключений. Или отсюда никто и правда не возвращался, чтобы рассказать про мир общего вечного сна? Бред! Какой-то бред»

Вокруг по прежнему сновали люди, стало светло, и день ничем не отличался от обычного моего дня. Ситуация с пропавшей мамой теперь казалась какой то далёкой и неправдоподобной. А, может, ничего и не было? Может надо ещё раз позвонить домой?

Но трубка отвечала мне равнодушными гудками, к тому же вновь попало на глаза смс с альбертовым адресом. Вот бы мне куда, ведь даже если это сон, Альберт тоже должен в это время спать. Совсем по-другому, но наверно достаточно крепко ,ведь выпил он порядочно в тот вечер, когда я его увидела с голыми фанатками. Он должен был уже вырубиться и попасть в зону риска. Застыть, как говорил рекламщик, на грани жизни и смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.